

СОЛДАТЫ СМЕРШ

Романы о неизвестных боях

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

БЕЛАЯ КРОВЬ ТАВРИДЫ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *А. Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Белая кровь Тавриды / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Солдаты СМЕРШ. Романы о неизвестных боях).

ISBN 978-5-04-205899-8

После отступления фашистов в Крыму возобновилась добыча поваренной соли. Однако озлобленные своей военной неудачей гитлеровцы намерены сорвать производство. Под видом снабженцев абвер забрасывает на полуостров опытных диверсантов. Они должны отравить готовую к отправке партию соли и взорвать оборудование. Обезвредить врага руководство СМЕРШ поручает отряду капитана Федора Белкина. Контрразведчикам удается захватить одного из бандитских пособников. Полученные от него сведения заставляют капитана срочно менять план всей операции...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-205899-8

ПРОЛОГ

С давних времен основным полезным ископаемым в Крыму была соль. Да-да, та самая соль, без которой немислимо никакое блюдо, будь то обычная похлебка бедняка или нечто изысканное и роскошное, что красовалось на столах вельмож, ханов и царей. Без соли никогда не могли обойтись ни бедняки, ни цари. Оттого-то соль всегда именовалась белым золотом, и в этом названии истины было гораздо больше, чем лирики.

Бывали такие времена, когда соль по своей стоимости и впрямь приравнивалась к золоту. И даже ценилась выше золота. В этом был очевидный и несокрушимый резон. Золотом, сколько бы его ни было, не приправишь ни бедняцкую похлебку, ни царское блюдо.

В разные времена именно соль составляла основное богатство тех держав, в состав которых входил Крым. Ее меняли на золото, она приносила неслыханную прибыль. Это было понятно и объяснимо. В европейской части России

и на Украине соль добывалась в Крыму, и нигде больше. Во всяком случае, в промышленных масштабах. До сей поры существует устойчивое выражение «в Крым за солью». Нескончаемые вереницы телег, запряженных волами, круглый год двигались в сторону Крыма, загружались здесь солью и отправлялись обратно — в северные части России, на Украину и дальше, в Европу. Караваны, караваны... И караванчики те исстари назывались чумаками. Это слово сохранилось до сих пор, хотя, конечно, далеко не все сейчас знают, что оно означает на самом деле. Даже Млечный Путь и тот исподволь был переименован в Чумацкий шлях. Вот что означала крымская соль для наших предков!

Несмотря на расстояния и всяческие дорожные трудности, везти соль из Крыма было выгодно. Во-первых, стоимость ее была довольно низкой, гораздо ниже стоимости той соли, которая добывалась в других местах. Почему ниже? Да потому, что ее здесь было много. А коль товара много, то и цена его низкая. Это элементарный экономический закон. Во-вторых, добывать здешнюю соль было относительно просто. Конечно, трудности имелись и здесь, и трудности немалые, потому что попробуй-ка дни напролет провести под палящим солнцем и просоленным ветром, не разгибая спины! Соль въедалась в кожу, норовила попасть в глаза, ею дышали, ее глотали... Ну да — в других местах

добывать столь ценный минерал было еще тяжелее... И в-третьих, крымская соль испокон веку славилась своим качеством и полезными свойствами. Ее не только употребляли в пищу, ею лечились. От множества болезней спасала крымская соль-целительница. Ею заживляли раны, лечили всяческие внутренние болезни, приводили в порядок суставы — всего и не перечислить. Слава о крымской соли шла по всей земле, потому-то и тянулись в Крым нескончаемые чумацкие караваны. Сюда — пустые, отсюда — груженные драгоценным минералом.

Достоверные исторические факты гласят, что, когда Крымский полуостров являлся частью Крымского ханства, правитель-хан строгонастрого, буквально-таки под страхом смерти запретил разбазаривать соль и владеть соляными приисками кому бы то ни было, кроме него самого. Выражаясь современным штилем, на все соляные прииски была наложена державная рука. Никакой частной самодеятельности! Нет, частники, конечно же, были, но старались они за малую долю, а основная часть золота, выручаемого от добычи соли, текла в ханскую казну. Текла нескончаемо, летом и зимой, днем и ночью... Как, скажем, некоторые современные державы богатеют на газе и нефти, так крымский хан богател на соли.

Еще одним весомым плюсом добычи соли в Крыму было то, что большая часть соли до-

бывалась на озере Сиваш и на небольших присивашских озерцах. А Сиваш — он расположен с самого края Крыма. Вот как только въедешь в Крым, как только минуешь перешеек, соединяющий полуостров с материком, — так сразу же и Сиваш. Вот он, по левую руку. И все прочие присивашские озера — там же. И не надо ехать куда-то дальше, не надо терять время и силы. Загрузился солью, расплатился — и поезжай обратно. Да только поглядывай, чтобы по пути не напали на тебя разбойники. А то ведь нападут, отнимут соль, а то, глядишь, и саму твою жизнь. И жизнь-то в те времена значила куда как меньше, чем отнятая у человека соль... Оттого-то и объединялись в ватаги чумаки, едущие в Крым за солью. Гуртом отбиться от разбойников было сподручнее...

Не утратила своего значения и своей жизненной роли крымская соль и в последующие времена — вплоть до установления в Крыму советской власти. Оно и понятно — соль нужна всем и во все времена. В короткие сроки советская власть наладила на Сиваше целое промышленное производство. Отсюда крымская соль отправлялась во все уголки Советского Союза. И даже за границу.

Ну а затем началась Великая Отечественная война, и в Крым вошли фашисты. Они также по достоинству оценили крымскую соль. И даже намеревались развернуть ее промыш-

ленную добычу. Но не преуспели. И времени у них для этого было маловато, и местные партизаны, как могли, мешали, и с кадрами также были проблемы... Зато всю добытую соль фашисты вывезли из Крыма подчистую. Так что когда Красная армия освободила Крым, то наряду со множеством других проблем перед вернувшейся на полуостров советской властью встала еще одна проблема — нехватка соли. Это в Крыму-то, который испокон веков был знаменит своей солью...

ГЛАВА 1

Общеизвестная истина: без крепкого тыла сильной армии быть не может. В самом деле, армию нужно снабжать оружием, каждого солдата нужно одеть, обуть и накормить. А то много ли навоюет солдат без оружия, да еще раздетый и голодный? И все эти заботы возложены именно на тыловые службы. На интендантов, как обычно принято называть лиц, служащих в тыловых подразделениях.

Конечно, об интендантах-тыловиках говорят гораздо меньше, чем о тех бойцах, которые сражаются на передовой. И песен о них не слагают, и стихи не сочиняют, и — бывает и такое — наградами и почестями они зачастую обделены. Ну да что ж? Надо же кому-то служить и в интендантах. Надо кому-то кормить, одевать и обувать бойцов на передовой. А потому на войне еще вопрос: кто главнее и важнее — те солдатики, которые ходят в атаки, или те, кто их одевает и кормит? Хотя, если разобраться, и то важ-

но, и другое. Важно в одинаковой степени. Война, она ведь разная. А потому и воевать также приходится по-разному. Кому стрелять во врага, кому — кашеварить. Тем более что цель у всех одна и та же. И цель эта — победа. Всеобщая победа. Одна на всех.

А к тому же что делать, если тебя определили именно в интенданты, а не, допустим, в артиллеристы или разведчики? В армии разве спрашивают твоего желания? В армии — приказывают. Приказали служить в интендантах, так что будь добр — принимайся за дело и не возражай. Потому что возражение в армии, да еще в военное время — это грубейшее нарушение дисциплины. Сродни измене Родине, если называть вещи своими именами. Армия есть армия, война есть война, а победа — она все едино одна на всех. Хоть для разведчика с артиллеристом, хоть для тылового обозника. Здесь главное — сделать для победы все, что ты можешь на том месте, куда тебя приставили. А уж там — разберемся. Как говорится, сочтемся славой, коль останемся живы.

Так или примерно так размышлял майор Степан Крикунов, командир одного из интендантских подразделений, вошедших на Крымский полуостров сразу же вслед за передовыми частями Красной армии. Впрочем, что значит — размышлял? Честно сказать, ему

и размышлять-то было некогда. Размышляют обычно те, у кого хватает на это времени. А те, у кого времени не хватает, действуют. Вот и Степан Крикунов тоже действовал, а если и размышлял, то лишь мимоходом и в самых общих чертах и образах.

Так вот, времени у Степана Крикунова на размышления не хватало. Да и откуда ему было взяться, времени для размышлений, рассуждений и прочей философии? Армия наступала, а когда наступление, то у всех, в том числе и у тыловых служб, дел невпроворот. Порой так бывает, что несколько суток кряду и вздремнуть не удастся, а не то что предаваться обстоятельным размышлениям! Наступление — очень хлопотное дело. Впрочем, как и отступление. Хотя, конечно, одно с другим и не сравнишь. Грех сравнивать одно с другим. При наступлении, кем бы ты ни был, у тебя будто крылья вырастают, будто душа воспаряет, а вместе с этим и силы прибавляются — так что ты готов тянуть свою лямку с утроенной силой, с торжеством и радостью, голодный и невыспавшийся, невымытый и небритый — вот что такое наступление! Ведь это же не просто само по себе слово, это — освобождение твоей родной земли от проклятого врага! Это высшая справедливость, высший смысл, какой только может быть на войне! Поэтому делай свое дело, к которому ты приставлен неукоснительным при-

казом, и никакой тебе философии! Чем майор Степан Крикунов и занимался.

Поэтому он был немало удивлен и даже раздосадован, когда ему сообщили, что он должен явиться в штаб дивизии. Явиться вот прямо-таки немедля, оставив все свои интендантские дела и заботы. Спрашивается — для чего? Там, в штабе, конечно, объяснят для чего, но все равно — что им понадобилось от Степана Крикунова? Не для вручения же награды его вызывают! И не для того, чтобы попить со Степаном Крикуновым чаю. А значит, для какого-то другого дела. А другое дело — это не иначе как нагоняй от начальства. Никаких иных причин своего вызова в штаб простоватый и прямой ум Крикунова выдумать не мог. Вот ведь как — нагоняй! А по какому такому случаю? Где и в чем он, Степан Крикунов, набедокурил? Что сделал не так? Каким таким поступком он вызвал неудовольствие у начальства? А может, обойдется без нагоняя? Может, начальство его вызывает, чтобы ознакомить с какими-то новыми инструкциями? Ведь вот Красная армия вошла в Крым, враг стремительно отступает, а значит, должны быть и новые инструкции с приказами.

Впрочем, все это были вопросы риторические, а потому задаваться ими было бессмысленно. В штабе все объяснят — для того и вызывают.

* * *

Штаб временно располагался в одном из небольших перекопских сел. В этом краю все села были небольшими и все похожи одно на другое, так что майор Крикунов потратил немало времени, пока разобрался, что к чему и где именно располагается штаб. И едва не довел до истерики шофера «полуторки», на которой Крикунов отправился на поиски штаба.

— Что это ты такой нервный? — прищурился, глядя на шофера, майор. Самого Крикунова вывести из равновесия было сложно, он был человеком флегматичным и обстоятельным.

— Я не нервный! — дернулся шофер. — Я контуженый! Списали меня после госпиталя в тылы! Развозить подштанники и портянки! Будешь тут нервным!

— Вот и развози со спокойной совестью, — сказал Крикунов. — Подштанники с портянками — это тоже оружие.

— Да уж, оружие! — ядовито ответил шофер. — Видали мы оружие и почище!

— А давай я сниму с тебя сейчас штаны и подштанники, — предложил Крикунов. — И поглядим, много ли ты навоюешь в таком срамном виде. Так что помалкивай и находи дорогу в деревню Ялантуш. Говорят, что штаб располагается именно там.

— А! — досадливо крикнул водитель и стал яростно крутить баранку.

Добрались наконец до деревни Ялантуш. Ну а уж найти в ней штаб было проще простого. Штаб располагался в единственном на всю деревню более-менее просторном помещении — в школе. В штабе Крикунову сообщили, что его ожидает полковник Черняк. Кто таков был полковник Черняк, Крикунов не знал. Он и фамилии-то такой раньше не слышал. Недоуменно пожав плечами, Крикунов вошел в комнату, бывшую, по всей видимости, раньше учебным классом.

В комнате находился единственный человек — невысокого роста мужчина с полковничьими погонами. Он стоял у окна и задумчиво смотрел сквозь пыльное и потрескавшееся стекло куда-то вдаль — то ли о чем-то размышляя, то ли любуясь заоконными видами. Виды же были обычными и вместе с тем изумительно красивыми. Была первая половина апреля, а апрель в крымской степи — это самый разгар весны. Это уже потом, ближе к июню, беспощадное южное солнце выжжет всю траву и перекрасит степь в однообразный буро-коричневый цвет с редкими зелеными островками стойких к жаре трав и редких кустарников. А пока степь торжествует, переливается разнотравьем и весенними цветами всевозможных видов и оттенков, и солнце покамест не сжигает

всю эту красоту, а, наоборот, нежит ее и ласкает. А какой чудный, удивительный ветер бывает в крымской степи в апреле! А какое небо, какие облака! И что с того, что сейчас война? Красота — она ведь сама по себе.

Крикунов, войдя в помещение, деликатно кашлянул. Полковник глянул на него. Крикунов представился.

— Да-да, — встряхнул головой полковник. — Проходите. Я вас жду. Присаживайтесь. Я полковник Черняк. С недавних пор возглавляю армейскую интендантскую службу. Так сказать, ваш начальник... Давно воюете?

— С самого начала, — ответил Крикунов. — Отступал, теперь вот наступаю...

— И что же, все время в интендантах? — спросил Черняк.

— Куда поставили, там и нахожусь, — пожал плечами Крикунов. Вопрос полковника ему не понравился. — Просился, конечно, и на передовую, не без этого, — добавил он. — Еще в самом начале войны... Пять рапортов написал. Командир дивизии сказал, что, если я напишу еще один рапорт, он меня пристрелит. И пристрелил бы... Горячий был, что и говорить. Погиб под Таганрогом.

— Я вот тоже просился, — вздохнул полковник. — И примерно с теми же результатами. Вплоть до угрозы расстрела, как и в вашем слу-

чае. Да... Ну да ладно. Приступим к делу. То есть скажу, для чего я вас пригласил.

Полковник Черняк вновь подошел к окну, посмотрел на краешек степи, видневшейся из окна, затем глянул на Крикунова и спросил:

— Вы знаете, что такое соль?

— Соль? — опешил Крикунов. — Какая такая соль?

— Обыкновенная, — сказал полковник. — Которой солят кашу.

— Ну, так... — Крикунов недоуменно повертел головой. — Конечно, знаю.

— А как вы думаете, каша без соли вкусная? — спросил полковник. — Можно ли ее есть?

От такого вопроса Крикунов впал еще в большее недоумение. В самом деле — странные вопросы задает ему этот полковник Черняк! Будто какому-то несмышленому мальчугану. Но в то же время полковник был его, Крикунова, прямым начальником, а коль так, то поневоле приходилось отвечать на любые его вопросы, даже самые странные и нелепые.

— Ну так, оно ведь известно, — осторожно произнес Крикунов. — Какая же каша без соли? Оно, конечно, с голодухи можно обойтись и без соли. А только все равно... Помню, бывали случаи на фронте, когда не было соли... Самолично приходилось разбираться. Да и до войны тоже. Я ведь из-под Омска. В нашей деревне соль

была как конфетка. Такое же лакомство. То завезут, то не завезут.

— Вот я о том и толкую, — сказал Черняк.

— Это о чем же? — не понял Крикунов.

— О соли, о чем же еще, — сказал полковник. — О ней, родимой... А вы знаете, что в здешних краях, — он указал рукой за оконце, — добывают соль? Всегда добывали, еще в старые времена?

— Нет, — ответил Крикунов. — Неизвестен мне такой факт.

— Так вот, добывают. На озере Сиваш. Оно здесь рядом. Хорошая, говорят, соль. Целебная. До немцев ее тоже добывали. А когда пришли немцы, то нарушили всю добычу. А всю добытую соль вывезли к себе в Германию, потому что у них-то такой соли отродясь не бывало. И теперь, когда мы вернулись в Крым, то столкнулись с прискорбным фактом. Крым — наш, а соли в нем нет. То есть, конечно, в природе она имеется, но ведь ее надо еще добыть! Вы понимаете, о чем я толкую?

— Не совсем, — признался Крикунов.

— Добывать, говорю, надо соль, — пояснил полковник Черняк. — Налаживать ее производство в промышленных масштабах. Чтобы, значит, хватило на всех: и мирному населению, и нашей армии. Понятно объясняю?

— Вроде как понятно, — не совсем уверенно ответил Крикунов. — Соль надо добывать. Вот

пускай советская власть ее и добывает. На то она и поставлена. А наш-то какой здесь интерес? Наше дело — воевать. Двигаться дальше, на запад.

— Так-то оно так, — согласился Черняк. — Да вот только, если вдуматься, не совсем оно и так. Потому что присутствует здесь и наш интерес. Интерес всей нашей армии. А коль так, то от соли в некотором роде зависит наша всеобщая победа.

— Это как же так? — не понял Крикунов. — В каком таком смысле?

— В самом прямом, — ответил Черняк. — Каша-то без соли невкусная. Это факт. А без каши много ли солдат навоюет?

— Ну, так оно известно, — развел руками Крикунов. — Без каши — беда.

— Вот о том я и толкую, — сказал полковник. — Без каши — беда. В том-то и кроется наш интерес к соли. Вот гоним мы немцев с нашей земли, и это замечательно! Но чем дальше мы их погоним, тем больше земель освободится. И везде на этих землях живут люди. А людям нужна соль. И так получается, что соль — это важнейший стратегический продукт. Какая советская власть без соли? Какая победа без соли? Ну а где победа, там и наша армия. Соль — это наше оружие!

— Согласен, — кивнул майор Крикунов. — Оно действительно... А только я не понимаю, к чему вы клоните...

— Сейчас объясню и это, — пообещал Черняк. — Итак, соль — это наше оружие. А оружие должно находиться в руках военных, не так ли?

— Правильно, — сказал Крикунов.

— Организовывать добычу соли, конечно, будут гражданские власти, — проговорил Черняк. — На то они и поставлены. Тем более что уже есть распоряжение с самых верхов — срочным образом приступить к добыче соли. Тут, знаешь ли, высокая политика! Крым — это же сплошь море. А в море водится рыба. Основной, так сказать, продукт питания для местного населения. Ну и для нашей армии, конечно. А какая же рыба без соли? Выловить ее из моря, конечно, можно, а что потом? Пропадет рыбка...

— Пропадет, — согласился Крикунов.

— И это я уже не упоминаю лишний раз о каше без соли для наших солдат, — сказал полковник Черняк. — А из всего этого следует вывод. Коль соль — это политика, военная стратегия, оружие и залог нашей победы, то она должна подразделяться на две категории: так сказать, на мирную соль и соль военную. Ну а к военной соли должен быть приставлен военный человек. Я прав?

— Наверно, — не совсем уверенно ответил Крикунов.

— Итак, соль будут добывать гражданские власти, но под нашим, военным наблюдением, — сказал полковник Черняк. — Таков при-